

ОТРАЖЕНИЕ ПОСТМОДЕРНИСТСКОГО МИРООЩУЩЕНИЯ В РОМАНЕ ХИЛАРИ МАНТЕЛ «ВУЛФХОЛЛ»

Романюк Михаил Владимирович

Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
(г. Брест, Беларусь)

Статья посвящена выявлению художественно-повествовательных характеристик романа Хилари Мантел «Вулфхолл», в которых проявляется постмодернистское мироощущение автора. Эти характеристики включают критику метанарративов, историографичность, внедрение в повествование симулякра и выражают скепсис по отношению к возможности постижения исторического знания и религиозных учений.

Ключевые слова: постмодернизм, исторический роман, Хилари Мантел, Вулфхолл.

The article is devoted to the identification of artistic and narrative characteristics of Hilary Mantel's novel "Wolf Hall", which manifest the author's postmodern worldview. These characteristics include criticism of meta-narratives, historiography, the introduction of a simulacrum into the narrative, and express skepticism about the possibility of comprehending historical knowledge and religious teachings.

Key words: postmodernism, historical novel, Hilary Mantel, "Wolf Hall" novel.

Роман Хилари Мантел «Вулфхолл» описывает сложный период Реформации в Англии, когда король Генрих VIII решил развестись с Екатериной Арагонской и жениться на Анне Болейн. На фоне этих событий показано восхождение к власти главного героя произведения Томаса Кромвеля. «Вулфхолл» – это исторический роман, который не только отражает современную точку зрения на события прошлого, но и включает в себя ряд художественных приёмов, отражающих постмодернистское мироощущение автора.

Л. Хатчеон приравнивает постмодернизм к историографической метапрозе, отмечая, что и история, и литература представляют собой тексты, созданные под влиянием субъективного восприятия [1, с. 3–5]. В художественном произведении это может достигаться через декон-

струкцию стереотипных образов исторических персонажей. Так, в романе «Вулфхолл» ставится под сомнение традиционное восприятие образов Томаса Кромвеля и Томаса Мора. Х. Мантел показывает Кромвеля преимущественно в благоприятном свете, хотя он, будучи идеологом Реформации, в первую очередь известен как разрушитель монастырей, заговорщик, искусный интриган.

Деконструкции подвергается и образ автора «Утопии» Томаса Мора. Как указывает Н. Зелезинская, ещё при жизни Томас Мор «...сформировал о себе миф как о человеке мудром, образованном, неподкупном, здоровом, добродетельном, благочестивом – образцовом» [2, с. 123]. Х. Мантел демонстрирует читателю другое видение ситуации, изображая Томаса Мора уже не гуманистом, а фанатичным борцом с ересью, который безжалостно пытается и отправляет на костёр инакомыслящих. В политических вопросах Томас Мор зачастую показан как человек, лишённый гибкости мышления и дальновидности, в семейной жизни он чёрств и деспотичен. Наделяя Томаса Кромвеля рядом положительных качеств и акцентируя внимание на недостатках Томаса Мора, Х. Мантел предлагает альтернативную интерпретацию описываемого исторического периода. Уже одной сменой ролей упомянутых персонажей она побуждает читателя воспринимать исторический нарратив лишь как точку зрения – спорную, зависящую от мнения автора и похожую в этом смысле на художественный текст.

Слияние художественного и исторического нарративов подчёркивается ярко выраженным психологизмом романа «Вулфхолл». Использование потока сознания позволяет Х. Мантел представить описываемые события как бы сквозь призму восприятия Томаса Кромвеля. В результате, даже несмотря на высокую степень исторической достоверности, справедливо отмеченную различными критиками, такой способ повествования неизбежно делает акцент не только на субъективности трактовки событий, но и на невозможности объективного изложения исторического знания в принципе.

Прошлое в романе подобно будущему: оно такое же гибкое, изменчивое и зависимое от текущих обстоятельств. Описывая возможные последствия попыток кардинала Уолси расторгнуть брак Генриха и Екатерины, Х. Мантел использует фразы *He never lives in a single reality, but in a shifting shadow-mesh of diplomatic possibilities...* [3, с. 25]; *he will also plan for an alternative world* [3, с. 26]; *Once that reality is recognized – and the last eighteen years of sin and suffering wiped from the page* [3, с. 26].

Согласно Ж. Ф. Лиотару, постмодернизм является ничем иным, как недоверием к метанарративам [4, с. 9–10], и именно таким нарративом в романе выступает история.

Поскольку Реформация в Англии – это центральная тема романа «Вулфхолл», то другим важным метанарративом произведения является религия. Томас Мор был непримиримым противником перевода Библии с латыни, поскольку, по его мнению, это приводило к искажению смысла. В свою очередь Томас Кромвель неоднократно обращался к Священному Писанию, пытаясь аргументировать несостоятельность католических практик: *Show me where it says, in the Bible, "Purgatory". Show me where it says "relics, monks, nuns". Show me where it says "Pope"* [3, с. 36].

His daughters are now in Purgatory, a country of slow fires and ridget ice. Where in the Gospel does it say "Purgatory"?

Tyndale says, now abideth faith, hope and love, even these three; but the greatest of these is love.

Thomas More thinks it is a wicked mistranslation. He insists on "charity". He would chain you up, for a mistranslation. He would, for a difference in your Greek, kill you [3, с. 140].

Описываемая в романе полемика, связанная с толкованием Священного Писания, воплощает недоверие к католическому учению как к религиозному метанарративу. В потоке сознания Т. Кромвеля делается акцент на противоречии: если точное понимание Библии настолько важно, что даже перевод недопустим для её полноценного осмысления, то почему католическая церковь признаёт существование чистилища, о котором в Писании вообще не упоминается? Противоречие прослеживается и в том, что Томас Мор, придавая такое большое значение милосердию, готов жестоко казнить переводчиков, проявляя себя таким образом как далеко не милосердный человек.

Подобно историческому знанию, религиозная истина представлена в романе как нечто ускользающее от постижения. Причиной этому является многослойность затруднений, связанных с толкованием религиозного метанарратива. Так, анализируя причины безуспешного брака Генриха, кардинал Уолси ссылается на Второзаконие, согласно которому мужчина должен взять в жёны вдову умершего брата. Однако в Книге Левит указано, что подобный брак чреват бездетностью. Сложность вызывает даже адекватное понимание слова «дети»: с одной стороны, у короля есть дочь, что свидетельствует о большей достоверности Второ-

закона; с другой стороны, в Библии слово «дети», вероятно, означает сыновей [3, с. 22].

Ещё одним приёмом, свойственным постмодернизму, является реализация в повествовании таких концептов, как симуляция и симулякр. Ж. Бодрийяр трактует эти концепты следующим образом. Симуляция представляет собой то, что порождено моделями реального, однако в сущности не имеет реального происхождения. Симулякр является образом симуляции, знаком, не имеющим референта в реальном мире [5, с. 16, 23]. В романе «Вулфхолл» есть ряд примеров воплощения симуляции. Генрих VIII предполагает, что предки Томаса Кромвеля могли быть землевладельцами. Хотя сам Томас Кромвель это отрицает, король намеревается поручить герольдмейстерам навести соответствующие справки и, если не удастся найти достойную родословную, заменить её симулякром [3, с. 201–202].

«Договор о вечном мире» между Англией и Францией высмеивается в романе как мало что значащий симулякр: *“Treaty of Perpetual Peace? Let’s think, when was the last Perpetual Peace? I give it three months.”* [3, с. 100].

При рассмотрении дела о незаконности брака Генриха и Екатерины в качестве аргументов используются прецеденты, которые также являются не более чем симулякрами.

“Sir? Katherine says?”

“She says our precedents are fake.”

Rafe: “Does she understand that you and Dr. Cranmer sat up all night over them?” [3, с. 269].

В разговоре со своими сторонниками Томас Кромвель не отрицает, что бракоразводный процесс королевской четы – это симуляция, лишённая реальных оснований. Более того, он даже подкрепляет этот факт историей из своего прошлого, рассказывая о том, как смог когда-то обогатиться, прибегнув к симуляции. Однажды Томас Кромвель с двумя сообщниками изготовили статую, которую они затем искусственно составили и продали некоему кардиналу за солидные деньги [3, с. 270]. То, что реликвия-симулякр вызвала у кардинала сильное чувство умиления, создаёт сатирический эффект и иллюстрирует постструктуралистский тезис о превосходстве копии над оригиналом.

Роман содержит и другие примеры применения постмодернистских приёмов для реализации религиозной сатиры. Главные герои романа в целом склонны воспринимать религиозные святыни как симулякры, что можно проследить в диалоге между Кромвелем и Рейфом:

“At Walsingham, they have a vial of the Virgin’s milk.”
“Christ, I wonder what that is?” Rafe looks sick. “The blood, you can tell it’s water with some red soil in it. It float about in clumps.” [3, с. 365].

Иронический смысл вопроса заключается в том, что Рейф даже не рассматривает возможность подлинности молока.

Подводя итоги, можно заключить, что постмодернистское мироощущение автора проявляется в романе «Вулфхолл» через историографический характер произведения, критику метанарративов, введение в повествование симулякра. Эти художественные методы позволяют сделать акцент на сложностях, связанных с осмыслением истории и интерпретацией религиозных текстов, а также на проблеме замены реальности её имитацией.

Литература

1. Hutcheon, L. Historiographic Metafiction: Parody and the Intertextuality of History / L. Hutcheon // Intertextuality and Contemporary American Fiction / ed. by P. O'Donnell, R. Con Davis. – Baltimore, 1989. – P. 3–32.
2. Зелезинская, Н. С. Трансформация нарратива о Томасе Море как способ формирования нового исторического сознания в период Реформации / Н. С. Зелезинская // Романо-германские литературы: традиции и современность : сб. науч. ст. / Белорус. гос ун-т ; редкол.: Н. М. Шахназарян (отв. ред.), Г. В. Синилю [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2023. – С. 121–126.
3. Mantel, H. Wolf Hall / H. Mantel. – New York : Picador, 2010. – 610 p.
4. Лиотар, Ж. Ф. Состояние постмодерна / Ж. Ф. Лиотар. – СПб. : Алетейя, 1998. – 159 с.
5. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляция / Ж. Бодрийяр. – Тула : Тул. полиграфист, 2013. – 204 с.